

возможно в одной работе охватить весь пласт предлагаемого материала. В этом плане «Валькирия» — одно из самых сложных произведений современности, но при этом оно воспринимается на удивление легко и органично, на уровне чувств и эмоций. Особенно женщинами, и особенно теми, у кого есть *Тот, кого всегда ждут*.

Примечания

1. Семенова М. Викинги: Сб. М.; СПб., 2003. С. 491.
2. Семенова М. Поединок со змеем: Мифологический роман. СПб., 2004.
3. Семенова М. Быт и верования древних славян. СПб., 2001; Голан А. Миф и символ. М., 1993; Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород, 1995.
4. Семенова М. Валькирия: Роман. М.; СПб., 2003. С. 34.
5. Эстес К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях / Пер. с англ. К., М., 2001.

© Гайсин Р. М.
г. Елабуга

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ В СИСТЕМЕ ЖАНРОБРАЗУЮЩИХ СРЕДСТВ РАССКАЗА И. А. БУНИНА «АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ»

Сегодня, когда творчество И. А. Бунина несколько десятилетий находится в центре читательского и исследовательского внимания, можно сделать ряд принципиальных замечаний. Во-первых, его имя стало одним из самых значимых имен русской литературы. Прекрасный язык, образность, точность, ритмичность прозы, умение передать стихию жизни разных слоев общества, сила воображения, выразительная живопись, тонкий психологизм — вот основные черты бунинского творчества, определившие столь пристальный к нему интерес. Во-вторых, именно он, уходя корнями в русскую классику, обозначил наиболее перспективное направление в развитии подлинно национальной литературной словесности. Наконец, что непосредственно относится к предмету нашего разговора, изучение художественного своеобразия произведений Бунина явно отстает от изучения их проблематики.

Поэтому видится целесообразным и продуктивным обращение к жанровому своеобразию произведений непревзойденного мастера, к роли в их структурном построении и смысловом единстве художественного конфликта. Особенно это относится к знаменитому рассказу «Антоновские яблоки», наиболее симптоматичному и значимому, на наш взгляд, в творческом наследии писателя.

Сложный ассоциативный мир уникального произведения возникает с названия и первых картин. Устойчивое и понятное словосочетание в заглавии таит, при более внимательном рассмотрении, сложный комплекс значе-

ний. В рассказе с самого начала и до конца главным символом остается образ антоновских яблок, неоднократно возвращаемый авторской памятью. Именно в его воображении возникает «...большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад... кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и — запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести» [1].

Спасительный запах яблок и меда при неумолимом, казалось бы, увядании жизни создают доминантную оппозицию в художественном конфликте произведения. Ведь антоновские яблоки — это достаток и благополучие («Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась»), ощущение счастья и радости бытия («Ядреная антоновка — к веселому году»), это единая Родина с ее дворянскими усадьбами и крестьянскими избами («Склад средней дворянской жизни еще и на моей памяти, — очень недавно, — имел много общего со складом богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию»), это в итоге высший смысл гармоничного сосуществования человека со всем на свете («И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде под бирюзовым осенним небом!»).

Сквозная концептуальная антиномичность «Антоновских яблок» очень прочно связана с глубоким авторским освоением исторической действительности и онтологических основ бытия. Здесь отразились главные черты творческой манеры Бунина, его миропонимания в целом. Велико значение исторического движения России, когда в авторском мире сопрягаются явленное прошлое, тревожное настоящее и непонятное будущее родной страны. Еще важнее включенность общественных изменений в непрерывный поток бытийного времени, где духовность русского человека играет далеко не последнюю роль.

Не случайны воспоминания рассказчика о том, как случалось проспать охоту. После пробуждения особенно приятно наслаждаться тишиной во всем доме, покоем и безмолвием почти зимней усадьбы. Одевшись и выйдя на улицу, «побродив по саду, найдешь в мокрой листве случайно забытое холодное и мокрое яблоко, и почему-то оно покажется необыкновенно вкусным, совсем не таким, как другие. Потом примешься за книги, — дедовские книги в толстых кожаных переплетах, с золотыми звездочками на сафьянных корешках. Славно пахнут эти, похожие на церковные требники книги своей пожелтевшей, толстой, шершавой бумагой!».

Поэтическая окраска явлений национальной культуры и духовности, их естественная соотнесенность с картинами природы, типология близких, родных, запахов рождает особый лиризм, в котором высвечивается полнота и искренность подлинной человечности. Таковым сделала рассказчика (героя, автора), как и других одухотворенных русских людей, особая атмосфера национальной жизни. При этом Бунин был уверен, что ведущим создателем ее культурных ценностей было отечественное дворянство, возвращенное в микрокосме поместной усадьбы. К их числу писатель, не без гордости, причислял и себя.

Сразу же за эпизодом, где рассказчик проводит время за старинными книгами в усадебной тиши, начинается четвертая, заключительная глава.

Очевидная числовая символика сразу поддерживается в ней начальным абзацем («Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб. Эти дни были так недавно, а меж тем мне кажется, что с тех пор прошло чуть не целое столетие. Перемерли старики в Выселках, умерла Анна Герасимовна, застрелился Арсений Семенович...»).

Ряд антиномических отношений: прошлое—настоящее, богатство—бедность, жизнь—смерть — порождают устойчивые жанровые признаки произведения. Перед читателем разворачивается своеобразная хроника усадебной жизни. В ней ощутимо присутствует социальное измерение («Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства»). Существуют также утверждения, что Бунин создал «отходную» (А. М. Горький), своеобразную эпитафию своему сословию, поместному дворянству.

В определенном смысле это соответствует действительности, если сделать ряд поправок. Для великого художника задача просто показать исчезновение с авансцены российской жизни ее первого сословия была бы некорректной. Внутренние связи общества громадной страны, их трансформация были достаточно сложны и неоднозначны. Вообще, «Бунин не принимает социальный мир XX в., “уравновешивает” его пороки космическим бытием, вбирающим в себя и сохраняющим навечно неистребимые ценности, равно как и роковую стихию...» [2]. Его отношение к былому более глубокое, где наблюдение и анализ играют значительно меньшую роль, чем сопереживание и философское раздумье. Именно в незаурядном художественном постижении «Антоновских яблок» утверждается, что сохраняется, при всех утратах, отечественный макрокосм, идущая из глубины веков и абсолютно естественная в условиях данного бытийного ландшафта русская жизнь.

Реквием уходящему столбовому дворянству причудливо переплетается с описанием мелкопоместных забот, дел, своих радостей охоты и общения. Да, нет великолепия борзых и «работа» идет с гончими. Важнее другое: ведь «опять, как в прежние времена, съезжаются мелкопоместные друг к другу, пьют на последние деньги, по целым дням пропадают в снежных полях. А вечером на каком-нибудь глухом хуторе далеко светятся в темноте зимней ночи окна флигеля, плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи, настраивается гитара...».

Эти простые радости предвараются автором двойным мажорным восклицанием: «Хороша и мелкопоместная жизнь!» Сохраняется в целом, при всей грусти и безнадежной удали, идиллическая атмосфера, ибо происходящие перемены совершаются сами собой, в естественном течении исторического и бытийного времени. В структуре конфликта ослабевает оппозиция времен года. Этому же способствует стилевое единство произведения. Более того, созерцательно-элегическое настроение автора обретает большую энергию, деловитость.

По словам О. Н. Михайлова, в «Антоновских яблоках», этой «поэме запустения», проза Бунина «обретает особый лаконизм и сгущенность слова... “Антоновские яблоки” поражают меткостью деталей, смелостью уподоблений, художественной концентрированностью, музыкальностью» [3].

В данных строках мы видим указание на некоторые характерологические черты жанровой принадлежности произведения. Экономия художественных средств, повышенная ассоциативность и музыкальность, особая поэтичность, синтетическое единство автора, героя и рассказчика свидетельствуют о присутствии здесь лирической обработки собственно эпического материала.

Дополнительное своеобразие придает «Антоновским яблокам» подчеркнутая бесфабульность. Сюжетная исполненность уникального произведения достигается своеобразным бунинским присутствием в нем. Очевидно, что более всего «умножение» собственной жизни писателя происходит в «Антоновских яблоках» и «Жизни Арсеньева». А в ней, по словам Бунина: «Печаль пространства, времени, формы преследует меня всю жизнь. И всю жизнь, сознательно и бессознательно, то и дело я преодолеваю их... Я жажду жить и живу не только своим настоящим, но и своей прошлой жизнью и тысячами чужих жизней... Я непрестанно жажду приобретать чужое и превращать его в себе» [4].

Соответственно, и художественный конфликт в «Антоновских яблоках» определен в сложных взаимоотношениях автора с действительностью, с ее многообразными и противоречивыми тенденциями. Поиск гармонии бытия при этом становится ведущей творческой установкой в процессе написания рассказа. Место, время, события, люди — все в слаженном единении сходится в благодарной памяти автора и в художественном мире произведения, где главным пунктом становится найти лад между помещиком и мужиком.

Из времен года сознательно Бунин выбирает осень, ибо — это «пора престольных праздников, и народ в это время прибран, доволен, вид деревни совсем не тот, что в другую пору. Если же год урожайный и на гумнах возвышается целый золотой город, а на реке звонко и резко гогочут по утрам гуси, так в деревне и совсем не плохо». Запах антоновских яблок и меда скрепляют все сущее в этом благополучном мире [5].

Однако и в финальной части «Антоновских яблок», вопреки распространенному мнению, сохраняется гармоническое единство деревенской жизни. Правда, другие запахи, но также спасительные и близкие, влекут и радуют рассказчика: «...потянет из усадьбы запахом дыма, жилья... сажусь на корточки около вороха соломы, резко пахнущей уже зимней свежестью...» В опрошенной обстановке сохраняются все основные атрибуты традиционной помещной жизни. Продолжает звучать радостный возглас: «Славный будет день для охоты!» И, что принципиально важно, жизнь мелкопоместного барина стала мало отличаться от жизни мужика, как и их обличье.

Таким образом, рассмотренные нами конфликтные бинарности достаточно четко указывают на основной ценностный вектор автора «Антоновских яблок». Бытийная сущность национальной жизни в ее конкретном историческом преломлении становится предметом его творческого осмысления. В самой русской жизни, по мнению И. А. Бунина, заложено устойчивое гармоническое единство, способное сохраниться, трансформируясь, в движении времени.

Находясь в тесной взаимосвязи с внутренней структурной организацией произведения, сам художественный конфликт становится ведущим жанрообразующим средством. Именно его близость к идиллии, при всем многообразии частных противоречий, определяет лирико-философский характер рассказа. Вместе с тем «Антоновские яблоки» — масштабное по смыслу произведение, где созерцательная эпичность позволяет заключить в небольшом объеме главные приметы русской национальной жизни.

Примечания

1. *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1988. Т. 1. С. 328. Далее цитаты из данного текста даются без ссылки на источник.
2. *Смирнова Л. А.* Проблемы реализма в русской прозе начала XX века. М., 1977. С. 39.
3. *Михайлов О. Н.* Страницы русского реализма: (Заметки о русской литературе XX века.). М., 1982. С. 71.
4. Цит. по кн.: *Гречнев В. Я.* Русский рассказ конца XIX — начала XX века. Л., 1979. С. 64.
5. См. об их семантике: *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 222, 398.

© Жиндеева Е. А.
г. Саранск

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МИФА В ТВОРЧЕСТВЕ К. ТАНГАЛЫЧЕВА (на примере стихотворения «Мордовка»)

Сложившаяся устойчивая мультикультурная парадигма в Мордовии к концу XX в. стала давать интересные результаты. Развиваясь параллельно на трех языках (национальных /мокша и эрзя/ и русском), художественная литература республики имеет специфические черты, которые могут рассматриваться с позиций диффузионизма, что указывает на определенное взаимозаимствование элементов культуры. Но вместе с тем каждая из существующих систем так и остается относительно самостоятельной.

Идея о том, что любая этническая культура имеет свою лингвистическую картину мира, восходит еще к В. Гумбольдту. Следовательно, создание художественных образцов словесного искусства является одним из возможных примеров трансформации национальной культуры. Возможность обращения к мордовской мифологии в условиях совместного проживания в пределах Республики Мордовии представителей других национальностей делает возможным демонстрацию современного осознания своего места в системе общечеловеческих координат.

Трансформация мифа в оригинальном поэтическом произведении нередко сводится к анализу наиболее общего сюжета, в котором заключена парадигма космогенеза и антропогенеза. Миф об умирающем и воскресающем боге, столь часто встречающийся в различных мифологиях, в настоя-